

© 1991 г.

ГРИНБЕРГ Дж. Г.

ОБ УТРАТЕ ГАРМОНИИ ГЛАСНЫХ В НЕКОТОРЫХ ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИХ ЯЗЫКАХ

Типология играет центральную роль в сравнительных исследованиях проф. Гамкрелидзе. При этом должное значение придается как синхроническому, так и диахроническому аспектам. Это означает, что, с одной стороны, в результате реконструкции мы стремимся получить систему, которая типологически соответствует закономерностям, наблюдаемым в зафиксированных языках, а с другой, предполагаемые изменения при переходе от праязыка к более позднему состоянию должны соответствовать универсальным диахроническим принципам, основанным на обобщении сведений о процессах языкового изменения.

В настоящем исследовании я обращаюсь к процессу исторического изменения системы гармонии гласных в чукотско-камчатской семье языков, расположенных в северо-восточной части Сибири. Эта система, реконструируемая для праязыка [1] и продолжающая функционировать в исходной по существу форме в чукотском и в несколько ослабленной степени в ительменском, в разных диалектах корякского языка обнаруживает ряд стадий разрушения, совершенно исчезая в некоторых из них, в частности, в алюторском и керекском. Таким образом, это исследование демонстрирует метод, который я назвал «интрагенетическим сравнением» (*intra-genetic comparison*), и его следовало бы продолжить на основе более широкого сравнения, использующего интрагенетический метод [2]. В таком более широком исследовании мы сравним другие исторически независимые случаи потери гармонии гласных, чтобы — по возможности — достичь более широких обобщений относительно диахронических универсалий человеческого языка.

Чукотско-камчатские языки очевидным образом распадаются на две ветви. В одну из них входят чукотский и корякский, тогда как другая состоит из ительменского. Различия внутри чукотского языка невелики, не достигают уровня диалектной дифференциации. Совсем другая ситуация в корякском, который имеет девять явно различных диалектов. В них на одном полюсе мы находим системы с полностью сохранившейся гармонией гласных (например, паланский диалект), а на другом — системы с полным отсутствием гармонии (например, керекский диалект). В данной работе не рассматривается ительменская ветвь, а анализ корякских диалектов будет ограничен теми, о которых я имею достаточно полную информацию¹.

Суть исходной системы вокалической гармонии чукотско-камчатских языков может быть кратко представлена на чукотском примере. Как можно видеть на табл. 1, гласные подразделяются на два уровня, высокий и низкий, которые будут обозначаться как I и II соответственно. Каждый

¹ Я встречал ссылки на рукописные материалы по чукотско-камчатским языкам, которые были мне недоступны. Все выводы настоящей статьи необходимо подвергнуть верификации в свете таких данных.

уровень содержит три гласных: передний, центральный и задний, они будут называться далее сериями 1, 2 и 3.

	1	2	3
I	ɪ	e	u
II	ɛ	a	o

Табл. 1. Чукотская гармония гласных

Уровни I и II часто называют слабым и сильным соответственно. Общее правило гармонии таково: если имеется хотя бы один гласный, который исходно принадлежит уровню II, он понижает гласные уровня I до соответствующих низких гласных той же серии. Как сильные, так и слабые гласные могут выступать и в основах, и во флексиях.

Из этого правила следует, что гласный, принадлежащий уровню II, не изменяется и всегда появляется в одной форме. Гласный же, который исходно принадлежит уровню I, имеет два варианта: не измененный (высокий), если отсутствует член уровня II, и измененный (пониженный), когда внутри того же слова присутствует гласный сильного (второго) уровня.

Вдобавок, все чукотско-камчатские языки имеют нейтральный гласный, краткий и неопределенный по качеству, который мы будем обозначать буквой *y*, транслитерирующей обычное орфографическое обозначение в кириллической орфографии. Его природа будет кратко обсуждена ниже.

Существо функционирования этой системы может быть проиллюстрировано несколькими примерами из чукотского языка. Слово *kupren* «сеть» содержит гласные исходного уровня I, *u* из серии 3 и *e* из серии 2. Здесь приводится форма абсолютива ед. ч. и *-n* является абсолютным суффиксом. В инструментальном падеже основа присоединяет суф. *-te*, который также имеет исходный высокий гласный серии 2, что дает *kupre-te* «с помощью сети». Если же, однако, мы возьмем ассоциативный падеж, который образуется с помощью одновременного присоединения преф. *ge-* ~ *ga-* и суф. *-ta*, результатом будет форма *ga-kopra-ta*, в которой *-ta*, имеющий исходный низкий гласный серии 2, понижает как преф. *ge-*, так и два гласных основы до их коррелятов уровня II. Таким образом, все слова в чукотском содержат исключительно гласные уровня I или уровня II. Любой из этих типов может сопровождаться редуцированным гласным *y*.

При этом, хотя все *y* фонетически сходны, некоторые из них ведут себя как сильные гласные, тогда как другие как слабые. Это верно, по крайней мере, для чукотского. Например, аблативное окончание *-gyu* содержит только нейтральные гласные, но является сильным, что обнаруживается в том, что оно понижает исходные гласные уровня I в основе, к которой оно присоединяется: *mulger* «ружье», но *melgar-gyu* «из ружья». В слове Богораза [3] тщательно разграничена принадлежность всех *y* к уровню I или II. Скорик [4, с. 36, примеч. 36] высказывает предположение, что «сильное» *y* является редуцированной формой сильного *a*. Согласно утверждению, которое Стебницкий делает в своем описании ительменского языка [5, с. 89], различие сильного и слабого *y* не существует в корякском и ительменском, т. е. они все являются слабыми и не имеют понижающего эффекта. В более поздних русскоязычных описаниях *y* трактовалось как нефонематический предсказуемый гласный, за исключением, возможно, чукотского. Так, *путпут* «дом» (абсолютив ед. ч.) в чавчуенском (стандартном) диалекте корякского языка записывается

как *лплт*. Без сомнения, в некоторых случаях у есть чисто переходный гласный, который позволяет избежать недопустимые консонантные кластеры, причем у может менять свою позицию в разных словоизменительных формах одного и того же слова.

Однако имеются свидетельства того, что чукотское различие существует и в корякском. Так, чавч. *путлут* «дом» имеет во мн. числе форму *путлут-и*, в то время как *wytwyt* «лист» — *wytwyt-o* [8, 71], и это полностью согласуется с данными чукотского словаря Богораза. Это, безусловно, интересный вопрос, но мы не будем детально рассматривать его здесь.

Обратимся теперь к корякскому. Стебницкий [8, с. 292] был, очевидно, первым, кто перечислил корякские диалекты. Делая это, он расклассифицировал их согласно некоторым фонетическим различиям, среди которых важнейшим было то, что одни диалекты в определенных случаях используют *а*, тогда как другие используют *е*. Это различие фигурировало во всех последующих обсуждениях корякской диалектной классификации. Эти диалекты называются «акающие» и «экающие» соответственно, причем «аканье», в противовес «эканью», рассматривается как показатель частичного или полного разрушения системы вокалической гармонии. Однако процесс утраты этой системы в целом слишком сложен, чтобы его можно было представить таким способом, что, как я думаю, все понимают. Сам Стебницкий отмечал, что некоторые диалекты имеют более широкую область аканья, чем другие.

В исходном разделении, предложенном в вышеуказанном труде, в качестве условного наименования для экающих диалектов используется «западные», а для акающих — «восточные». Следует заметить, что Стебницкий не пожелал произвести атрибуцию чавчувенского диалекта, на котором говорит, по-видимому, более половины коряков во всех частях корякской территории. Он также не включил в свою таблицу керекский диалект, на котором говорят на крайнем северо-востоке, ввиду отсутствия информации о нем. Этот диалект явно принадлежит к акающей группе, поэтому я, воспроизводя ниже таблицу Стебницкого, включил в нее указанный диалект. После этой модификации мы получаем следующее подразделение корякских диалектов (табл. 2):

Западные (е)	Восточные (а)
1. паланский	4. (керекский)
2. паренский	5. алуторский
3. иткайский	6. карагинский (с влиянием е)
	7. апукинский
	8. каменский
	9. чавчувенский (без атрибуции)

Табл. 2. Корякское диалектное членение

Членение на западную и восточную группы по географическому признаку может быть с равным основанием охарактеризовано как членение на южную и северную группы. Относительное географическое расположение диалектов схематически представлено на табл. 3.

		керекский
		апукинский
иткайский	каменский	алуторский
	паренский	
	паланский	карагинский

Табл. 3. Корякские диалекты

Классификация корякских диалектов на *е*-тип и *а*-тип предлагается также Жуковой [9, с. 292]. Она соответствует классификации Стебницкого за исключением того, что чавчувенский рассматривается как *е*-диалект, а карагинский — как *е*-диалект с сильным влиянием *а*-типа (а не как *а*-диалект с *е*-влиянием). Алюторский и керекский, которые, безусловно, относятся к *а*-диалектам, не рассматриваются; вероятно, это объясняется тем, что Жукова считает их отдельными языками, а не просто диалектами корякского.

В тексте данной статьи я буду обращаться к следующим пяти корякским диалектам, для которых имеются представительные опубликованные данные. Это паланский, чавчувенский, каменский, алюторский и керекский. Они расположены в порядке, который позволяет проиллюстрировать процесс утраты системы вокалической гармонии, таким образом, наиболее консервативный идет первым, а наименее консервативный последним.

Прежде чем входить в детали по каждому из этих диалектов, мы введем модифицированную форму табл. 1, снабженную дополнительными пометами, позволяющими различать случаи, когда гласный имеет несколько разных функций в системе вокалической гармонии (см. табл. 4).

I	i	e ¹	u
II	e ² , e ¹⁻²	a	o ² , o ¹⁻²

Табл. 4. Чукотско-камчатская гармония гласных

Эта нотация может быть проиллюстрирована примерами из чукотского языка. Начнем с трех разновидностей *е*. Например, *е* в *penin* «бывший» есть *e¹*, поскольку принадлежит к множеству I и гармонирует с *i* того же слова, которое также есть гласный уровня I. В *pelatyk* «оставаться» *е* первого слога есть *e²*, поскольку оно принадлежит исходно уровню II и никогда не изменяется. В *n-ot-qen* «горячий» *е* есть *e¹⁻²*, поскольку *qen* представляет собой пониженный вариант адъективного суф. *qin*, выступающий в соседстве с основой *-ot*, которая в изолированном виде представлена в абсолютной форме существительного *otot* «жара». Гласный *о* из *n-ot-qen* есть, разумеется, *o²*. Пример для *o¹⁻²* находим в *morgynap* «нами», где *о* является пониженным вариантом исходного *u*, который можно видеть в *tuiri* «мы» (понижение обусловлено исходным *а* конечного слога).

Паланский диалект, детально описанный в [10], имеет систему гармонии гласных, по существу подобную чукотской, т. е. представляет начальную стадию корякской системы гармонии, которая совпадает с прачукотско-камчатской. Однако даже паланский диалект, если его сравнивать с чукотским языком, обнаруживает легкую тенденцию к «акаянью». В частности, преф. *qaj-* «маленький, детеныш животного» зафиксирован только в этом виде — в отличие от чукот. *qej-* ~ *qaj-*. Так, форма *qaj-ti¹myng* «детеныш орла» нарушает гармонию гласных — ожидаемой формой является *qej-ti¹myng* [10, с. 38]. Некоторые примеры из паренского диалекта, приводимые Богоразом [11] и Стебницким [8], дают основания предполагать, что этот диалект также консервативен и представляет ту же стадию, что паланский.

Вторым мы рассмотрим чавчувенский диалект, который составляет основу корякского литературного языка. Он описан весьма полно как в отношении грамматики [12], так и отношении словаря [6, 7]. Как отмечалось выше, Стебницкий, разделяя корякские диалекты на акаяющие и экаяющие, не отнес чавчувенский ни к одной из групп.

Релевантной характеристикой чавчувенского в отношении гармонии

гласных является то, что система как таковая функционирует почти без исключений. Однако имеются свидетельства важных модификаций исходной системы. Наиболее очевидное из них — это то, что в значительном числе основ чавчувецкий обнаруживает *a* на месте чукотского *e*¹. В качестве примеров можно привести чавч. *alak* «летом» (чукот. *elek*), *akyk* «сын» (чукот. *ekyk*) и *achaŋ* «жир» (чукот. *echyn*). В то же время имеются случаи типа чавчувецкого *wejet* «река» (чукот. *wejet*), в которых сдвига *a* не происходит. Изменение *e*¹ > *a* обычно не наблюдается в словах, которые одновременно имеют *i* или *u*, так что нарушения гармонии гласных немногочисленны. Например, в чавчувецком *ejuk* «оживать» (неперех.) начальное *e*¹ не изменяется, равно как и в *penin* «прежний» (чукот. *penin*).

Далее, *e*² никогда не изменяется, что можно видеть на примерах *metyl* «тюлень» (чукот. *metyl*) и *tejetet* «слезы» (чукот. *tegetet*). Чередование *i* ~ *e* в первой серии имеет силу за несколькими исключениями, которые будут обсуждены. Так, имеется суф. адъективации *-kin* ~ *-ken*: *tuqe-kin* «дождевой», *apo-ken* «весенний». Этот и другие примеры показывают, что *e*¹⁻² не переходит в *a*. Мы уже видели ранее, что *e*² также не переходит в *a*. Следовательно, мы можем сказать, что чавчувецкое аканье ограничено изменением *e*¹ > *a*, и даже здесь оно происходит не во всех случаях. Поскольку *e*¹ есть как раз то *e*, которое чередуется с *a*, это означает, что мы имеем здесь пример «лексической диффузии», т. е. аналогичных изменений, вследствие которых в составе некоторых морфем алломорфы с *e*¹ заменяются алломорфами с *a*. Ни одна из этих основ не содержит *i* или *u*.

Картина усложняется тем, что в некоторых случаях при наличии морфемных границ наблюдается нарушение гармонии. В частности, несколько исходно высоких префиксов, которые должны были бы иметь низкие варианты, полностью обобщили один из вариантов и используют его и в тех случаях, когда это нарушает гармонию гласных. Одним из примеров является диминутивный преф. *qaj-*, который, как мы уже отмечали при обсуждении паланского диалекта, имеет фиксированную форму.

В дополнение к нескольким другим случаям замены *e*¹ на *a* при наличии морфемных границ, например, в наречии *niki-ta* «ночью» (ср. чукот. *niki-te*), мы наблюдаем спорадическое появление адъективизирующего форманта в виде *-kin* вместо ожидаемого *-ken*, содержащего *e*¹⁻². В чавчувецких словарях Жуковой и Корсакова мы находим *ala-kin* «летний» (производное от *ala-al* «лето») вместо ожидаемого **alaken*. Поскольку *ala-* само возникло как результат аканья из *ele-*, возможно, что *-kin* сохранилось из более ранней формы **elekin*. Наблюдается также тенденция к генерализации диминутивного суф. *-pil* ~ *-pel* в форме *-pil* в нарушение гармонии гласных, например, в *wajat-pil* «ручей». Здесь снова *-pil* может быть пережиточной формой. Однако, как отмечалось выше, чавчувецкое слово для «река» есть *wejet*, а не *wajat*, которое могло бы получиться в результате аканья, так что этот случай вызывает удивление.

Параллельная тенденция к вытеснению *o*¹⁻² альтернантом *u* обнаруживается в суф. *-thol* ~ *-thul* «кусок, особенно мяса животного». Обычно он подчиняется гармонии, например, *qoja-thol* «мясо оленя», однако у Корсакова и Жуковой мы находим *kajngy-thul* (у Корсакова *kajngy-tul*) «мясо медведя» от *kajngy-n* «медведь». Поскольку это пример аканья (ср. чукот. *kejngyn*), мы снова наблюдаем сохранение исторической формы при наличии морфемной границы. Важно, однако, что во всех этих случаях *e*¹, которое чередуется с *a*, переходит в *a*, тогда как *e*¹⁻², которое череду-

ется с i , переходит в i (и никогда в a), и что имеется тенденция к замене o^{1-2} альтернантом u .

Следующий диалект, каменский, как мы видели, классифицируется Стебницким как акающий. Он лежит в основе корякского описания Богораза [11]. Прежде всего нужно отметить, что переход $e^1 > a$ осуществляется даже в тех словах, которые содержат i или u , так что a по существу становится нейтральным гласным. Таким образом, мы имеем не только *wajat* «река», но и *nutanut* «земля» (ср. чавч. и чукот. *nutenut*) и *jingajkin* «летит, парит» (ср. чукот. *ringerkin*).

Однако e сохраняется как часть вокалической системы. Так, слово «слезы» выступает в форме *mejemej* (ср. чавч. *mejemej*, чукот. *meremer*), содержащей e^2 . Чередования $i \sim e$ (с e^{1-2}) и $u \sim o$ (с o^{1-2}) продолжают существовать, так что система гармонии гласных сохраняется, и фонетически наряду с редуцированным y имеется пять гласных. Например, глагол «сказать», имеющий алломорфы $iw \sim ew$ в чукотском и чавчувенском, в каменском также обнаруживает вариант с e : *ewang* «он/она говорит». Аналогично основа *putanut* «земля» имеет вариант с o : *janja-notalo* «чужеземцы». При наличии морфемных границ можно ожидать нарушений гармонии, которые уже отмечались в чавчувенском и даже в паланском, т. е. случаев, когда вместо e^{1-2} выступает i , а вместо o^{1-2} — u . Примером может служить *ngawan-pil* «маленькая женщина» (ср. чавч. *ngawychngyn* «женщина»). Эти отклонения от базисных форм, представленных в чукотском, тщательно описаны Богоразом [13, с. 671—672]. По большей части оказывается, что исходное a требует понижения i в e , тогда как a , возникающее в результате аканья, его не требует, но это различие разрушается. Детали еще предстоит изучить специально. Такие исторически мотивированные различия, разумеется, плохо сохраняются, и ясно, что i и u предпочтительнее, чем e и o .

Этот процесс зашел еще дальше в алыторском. Здесь вдобавок к полному осуществлению изменения $e^1 > a$ мы обнаруживаем переходы $e^{1-2} > i$ и $o^{1-2} > u$. Например, аффикс двойственного числа после консонантных основ, который соответствует чукотскому плюрализатору $ti \sim te$, выступает всегда как $-ti$, а эссивный показатель представлен всегда в виде $-u$ после согласных и $-ni$ после гласных, что соответствует чукотским $u \sim o$ и $ni \sim no$.

Вдобавок e^2 превратилось в i , например, в *itgatyk* «смеркаться» (ср. палан. *ergatyk*), а o^2 превратилось в u , например, в *susmavyk* «приготовиться» (ср. палан. *chochmavyk*). Если бы этими изменениями все и ограничивалось, то алыторский не только совершенно утратил бы систему вокалической гармонии (что и есть в действительности), но и исходная пятичленная система гласных a, e, i, o, u сократилась бы до трехчленной a, i, u .

В очерке «Алыторский язык» Жуковой [14] говорится, что имеются лишь три гласных фонемы, которые она записывает как $a, i (e)$ и $u (o)$. Природа предположительно нефонематических вариантов e и o не обсуждается. Я предполагаю, что основой для трактовки e и o как нефонематических вариантов является весьма вероятное отсутствие минимальных контрастов между e и i, o и u .

Как видно из форм, приводимых как в данной работе Жуковой, так и в приложении к ее паланской грамматике, которая содержит списки слов двух алыторских поддиалектов, o и e встречаются, хотя и нечасто. Эти случаи ограничены, однако, определенного типа словами.

Более раннее описание Стебницкого [15] ясно показывает, что эти случаи имеют специфическое историческое происхождение, а именно, они

обусловлены стяжением дифтонгов $e < aj$, $o < aw$, ew . В алюторских словарях Жуковой [10] имеется, разумеется, несколько примеров с e и o , и они подтверждают предположение Стебницкого о дифтонгическом происхождении этих звуков. В числе примеров есть *mengatyk* «расти» (палан. *majngatyk*) и *tekyk* «делать» (палан. *tejkyk*). Учитывая алюторское аканье, следовало бы ожидать формы типа *majngatyk*. Русское заимствование чайник подверглось тому же изменению, дав в алюторском *senik*. Примеры алюторского o : *wil-lotu* «головы кислой рыбы» (палан. *wil-lewtu*) и *ojen* «пастибище» (чавч. *aw?jenu*). Вторая часть приведенных сложных слов является общей для чукотского и корякского и восходит к *lewt ~ lawt*, что видно по чукотскому языку [16].

В некоторых источниках (например, в [1]) в алюторском записывается вообще o на месте u , а Стебницкий записывает непоследовательно *tatul* и *tatul* «лиса». Имеются некоторые признаки того, что этот гласный по качеству занимает промежуточное положение. Таков ли относительно редкий o , возникший из стяжения, из наших источников заключить трудно.

В целом мы находим, что алюторский редуцировал пятичленную вокалическую систему до трех гласных с потерей гармонии и что пробелы между a и i , a и u были заполнены в результате стяжения дифтонгов в e и o . Вдобавок к этому источнику имеются русские заимствования типа *krovat* «кровать», однако во многих (более старых?) русских заимствованиях o заменено на u , а e — на i ; ср. *su?* «соль» и *qlipra* «хлеб».

Если не считать изолированных сведений из других источников, мое знание керекского основано на работе Скорика [17]. В нем, кроме редуцированного u , имеется лишь три гласных a , i и u , а гармония гласных совершенно отсутствует. Все изменения, которые отмечены в алюторском, могут легко быть проиллюстрированы и на керекском материале. Так, $e^1 > a$ в *akkanga* «сын»; $e^2 > i$ в *kyttil* «лоб» (ср. чавч. *kyccel* с e^2 , приводимое в [6, с. 120]); $e^{1-2} > i$ в *mimlynga* «вода» (ср. чавч. *mimyl ~ memyl*); $o^2 > u$ в *jajul* «лиса»; $o^{1-2} > u$ в суф. *-thul ~ -thol* «кусочек, мясо, животного», например, в *qujathul* «мясо оленя», где первое u из o^2 , а второе из o^{1-2} .

В отличие от алюторского, здесь не возникает проблем относительно появления e и o из дифтонгов, что подтверждается керекским *kajngyn* «медведь» (ср. алют. *kengyn*, чавч. *kajngyn*).

Развитие, в результате которого в корякских диалектах пятичленная система гласных редуцировалась до трехчленной, а гармония гласных утратилась, можно рассматривать в двух аспектах. Один из них — это как бы телеологичность развития: конечный результат, который наиболее ясно представлен в керекском, это наиболее распространенная в языках мира трехчленная вокалическая система, содержащая a , i , u . Второй — это то, что e , играющее двойную роль в системе, принадлежа серия 1, переходит в i , а принадлежа серия 2, в a . Это означает, что звуковые изменения в действительности являются примерами морфологической аналогии, что мы особенно ясно видим в чавчуевском диалекте, где работает лексическая диффузия. Более того, как кажется, эти изменения следуют в определенном порядке, а именно, $e^1 > a$, $e^2 > i$ и $o^2 > u$.

Единственная проблема состоит в необходимости предположить, что три рода e , (e^2 , e^1 , e^{1-2}) фонетически идентичны, равно как и два рода o , а именно, o^2 и o^{1-2} . Если они фонетически не тождественны, тогда они очевидным образом могут подвергаться разным изменениям, хотя даже в этом случае «телеологическое» происхождение трехчленной системы гласных остается в силе.

На в одном из описаний корякского языка я не нашел какого-либо упоминания о фонетических различиях между морфологически разными формами одного и того же гласного. Необходимо отметить, что, как следует из всех фонетических описаний, *e* с его двойным статусом в системе фонетически является передним гласным, а не центральным.

В чукотском, возможно, имеет место иная ситуация. Богораз [16, с. 12] утверждает, что две формы *e*, которые он символизирует по-разному, являются «приблизительно одинаковыми», а в своем словаре он просто говорит, что они обе пропозансы как русское *e*.

В книге Скорики [4, с. 23] имеется интересное описание пар аллофонов *e* и *o*, которое опирается на их роль в системе гармонии гласных. Знак *e* в этой работе используется как для более высокого и переднего варианта, подобного начальному гласному в русском *этот*, который представляет *e*¹ и *e*¹⁻², так и для более открытого варианта, подобного гласному в русском *это*, который представляет *e*². Сходным образом *o* имеет передний и высокий вариант, представляющий *o*¹⁻², и низкий задний вариант, представляющий *o*², которые, конечно, никогда не чередуются морфофонематически.

Однако даже если пракозякский имел такие варианты, они вели себя неодинаково при изменении системы гласных. Передний вариант *e* (по Скорику) представляет как *e*¹, которое в корякских диалектах перешло в *a*, так и *e*¹⁻², которое превратилось в *i*, тогда как низкий вариант *e*² также превратился в *i*. Что касается *o*, то оба варианта в конечном итоге перешли в *u*. Конечно, желательно получить гораздо больше фонетических, особенно инструментальных, данных обо всей чукотско-камчатской языковой группе. Возможно, такие данные существуют, но не были доступны мне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головастиков А. Н., Долгопольский А. Б. Реконструкция чукотско-корякских корней и ностратические этимологии // Конф. по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков: Предварительные материалы. Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. М., 1972.
2. Greenberg J. G. Some methods of dynamic comparison in linguistics // Substance and structure of language / Ed. by Puhvel J. Berkeley: Los Angeles, 1969.
3. Богораз В. Г. Луоретланско-русский (чукотско-русский) словарь. Л.; М., 1937.
4. Скорик П. Я. Грамматика чукотского языка. Т. 1. М., 1961.
5. Стебницкий С. Н. Ительменский язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. III. Л.; М., 1934.
6. Корсаков Г. М. Нымыланско (корякско)-русский словарь. М., 1939.
7. Жукова А. Н. Русско-корякский словарь. М., 1967.
8. Стебницкий С. Н. Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка // Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). Л.; М., 1937.
9. Жукова А. Н. Корякский язык // Языки народов СССР. Т. 5. М., 1968.
10. Жукова А. Н. Язык паланских коряков. Л., 1980.
11. Bogoras W. Koryak texts // Publication of American ethnological society. V. 5. Leyden, 1917.
12. Жукова А. Н. Грамматика корякского языка. Л., 1972.
13. Bogoras W. Chukchi // Handbook of American Indian languages. Pt II. Washington, 1922.
14. Жукова А. Н. Алюторский язык // Языки народов СССР. Т. 5. М., 1968.
15. Стебницкий С. Н. Алюторский диалект нымыланского (корякского) языка // Советский Север. 1938. 1.
16. Богораз В. Г. Луоретланский (чукотский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1934.
17. Скорик П. Я. Керекский язык // Языки народов СССР. Т. 5. М., 1968.

Перевел с английского Кодазас С. В